
ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Б. ДИЗРАЭЛИ

О.Г. Аносова

Кафедра теории и практики иностранных языков ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 9, Москва, Россия, 117198

В статье основное внимание уделено анализу особенностей поэтики английского исторического романа в жанре «ромэнс» эпохи романтизма, созданного Б. Дизраэли (1804—1881). На примере его романа «Алрой» исследуется техника создания жанра. Привлекается оригинальный материал периодики тех лет.

Ключевые слова: романтизм, проза, романтическая литература, жанр, роман, «ромэнс».

Многочисленные отзывы современников о романе, появившемся в печати в 1833 г., отмечали богатство исторического контекста, смелость в обращении к забытой теме Средневековья на столь героическом материале и оригинальность стиля драматического и поэтического одновременно, хвалили жанр «ромэнс» и его событийно насыщенную прозу, украшенную поэзией. Авторы разных периодических изданий в том же 1833 г. по-разному, но очень точно оценили произведение Бенджамина Дизраэли (1804—1881). Это только подтверждает тот факт, что литературная критика уже оформилась в самостоятельную дисциплину и существовала на страницах печатных изданий. Рецензии были неоднозначны в оценках: от одобрительных и хвалебных до весьма критических и даже отрицательных.

В «Американском ежемесячном журнале» (*American Monthly Magazine*) обозреватель обратил внимание на оценку незаурядного ума автора романа, высказанную Э. Булвером-Литтоном, добавив, что Дизраэли — многообещающий автор. В «Новом ежемесячном журнале» и «Литературном журнале» (*The New Monthly Magazine and Literary Journal*) создали термин для определения жанра романа «прозаическая опера»: «*The Tale of Alroy is a kind of prose opera*» [1]. В «Ежемесячном обозрении» (*Monthly Review*) дали почти современное понимание литературного жанра «ромэнс» в его исторической интерпретации, с героем ориентального средневекового романа и нравами и обычаями, которые присущи разным странам и эпохам: «*The great object of the author seems to be to present to the public a picture of the average character of oriental life; and in choosing as the period for the time of his illustration, the twelfth century, he feels that he is justified in the arrangement, inasmuch as but little difference in manners and habits has, never since that remote era, been introduced in the east*» [2].

В «Лондонской литературной газете» (*The London Literary Gazette: Journal of Belles Lettres, Arts, Sciences*) также подчеркивали своеобразный характер прозы романа, ее трудно узнаваемый поэтический рисунок и смешение жанров, стилей и нравов, с малоинтересной фабулой: «*It is, indeed, neither prose nor verse, neither rhyme nor rhythm, neither Ossian nor the translation of serious opera, neither con-*

nected narrative nor the oracles of somnambulism, — but apparently a mixture» [3]. В журнале «Экзаминер» (The Examiner) указывали на уникальную способность Дизраэли изображать видимую, но загадочную действительность, насыщая ее символами и наделяя мистическими чертами: «D’Israeli writes riddles, and (Davus non Edipus) there may be more in this lion that we understand» [4].

Критик журнала «Атенеум» (The Atheneum: Journal of English and Foreign Literature, Science, and the Fine Arts) замечает, что автор «Алроя» приблизился к манере рассказчиков легенд и в гармонии с выбранной героической темой создал возвышенный, поэтический стиль, превосходящий подобные повествования прошлого: «The author... has renounced the ordinary manner of legend writers, and imagined a style in harmony with his subject — more melodious, more elevated, more poetic, in short, than what is now the pleasure of story-tellers to use» [5]. В «Придворном журнале» (The Court Journal) роман Дизраэли сочли вдохновенным творением, созданным безграничным воображением поэта и драматурга, и, вспомнив слова Колриджа, назвали Библию источником этого вдохновения: «Alroy is evidently the production — we had almost said the inspiration — of a mind that wanders, “fancy free,” into the regions of poetic and dramatic beauty» [6].

Роман был издан под названием «Чудесное повествование об Алрое» (A Wondrous Tale of Alroy, 1833). Критики «Американского ежемесячного обозрения» (American Monthly Review) дали довольно жесткий отзыв, высмеивая заявленную автором в Предисловии претензию на новую эру в области поэтического сочинительства, обозначили жанр как *гибридный*, в котором сочетаются плохая эпика, банальная драма и слабый исторический «ромэнс»: «To us it seems a sort of monster, a Hybrid, composed by the union of bad epic, stale drama, and poor historical romance» [7]. Однако эта рецензия во многом помогает понять экспериментальный характер созданного романа и увидеть не только романтический характер героического сюжета, но и историческую действительность на фоне диких природных пейзажей, пустынных развалин, многоголосых рынков и горящих крепостей.

Роману предпослано посвящение и предисловие. В посвящении автор поэтическим языком библейских образов обращается к сестре, сравнивая ее с пугливой газелью, встреченною им на горах Сиона: «I too have a gazelle in a distant land; not less beautiful her airy form than thine, and her dark eye not less tremulously bright!», и слагает к ее ногам свое творение: «If I recall one gleam of rapture to thy pensive cheek, not in vain I strike my lonely lyre, or throw these laurels at thy fairy feet!» [8]. В Предисловии Дизраэли сам определяет жанр своего произведения как «ромэнс» из истории XII в., обещает рассмотреть политические события этого времени, свершившиеся на Ближнем Востоке во времена распада халифата, на территории Курдистана (иранские земли).

Начиная с XI в., на политическом горизонте Иерусалима появляются потомки Давида, получившие прозвание «принцев-пленников» (The Princes of the Captivity), судьбу одного из них Дизраэли решает поместить в исторические условия Хамадана, священного для евреев места: «Their chief residence was Bagdad, where they remained until the eleventh century, an age fatal in Oriental history, and from the disasters of which “the Princes of the Captivity” were not exempt» [8].

В предисловии Дизраэли также объявляет, что он использовал для романа новый стиль драматически опозитизированной прозы, в котором все должно быть понятно, просто и правдиво и который оказывается сочетанием античной поэзии и жизнеподобной прозы с драматической динамикой развития событий: «The spirit of ancient poetry, therefore, is rather material than metaphysical. Superficial, not internal; there is much simplicity and much nature, but little passion, and less philosophy» [9]. И действительно, роман изобилует поэтически образными высказываниями и сравнениями, подобными имеющимся в «Песни песней», при очень драматичном и насыщенном реалиями повествовании. Жанр романа продолжает ориентальную тему в романтизме.

Автор еще в предисловии обещает не мешать всему, что будет происходить в романе, как это характерно для античной драмы или современной Дизраэли итальянской оперы, он отдает читателю право судить о событиях и героях самостоятельно: «The Author, therefore, seldom interferes in the conduct of the story» [9].

Алрой, высокородный потомок колена Давидова, из чувства любви к своему народу и желания сбросить хоть на время оковы его притеснения, вдохновленный каббалистом Джабастером, поднял в XII в. восстание против багдадского султана Селюка, чтобы иудейский народ ощутил свободу. Ему удалось одержать несколько военных побед, в результате которых он стал во главе империи в Багдаде, но он потерял время в романтических мечтах, пока, женившись на дочери султана, наслаждался кратким мигом перемирия с султаном. Его предали близкие люди, восстание закончилось поражением, Алрой, героически сражаясь, попав в плен, погибает от меча султана, воспевая свободу.

Дизраэли создает исторический роман, в котором присутствуют элементы мистики и насыщенные поэзией строки, описания походного снаряжения воинов и костюмов красавиц сераля, яркие картины восточного рынка с его многолюдьем и заброшенные руины, в которых собираются бродяги. Его герой умеет убеждать, умеет побеждать, умеет любить, но он не застрахован от поражений, предательства и одиночества.

Дизраэли искусно рисует портреты действующих лиц, наделяет их голосами, характеры героев весьма разнообразны и самостоятельны. Например, Хонейн, брат духовного наставника Алроя Джабастера, впервые представлен на фоне многоцветия багдадского базара как очень влиятельный человек, и его портрет, фигура, одежда, украшения и свита, как и производимое им впечатление, выписаны детально: «He was a man of middle age, eminently handsome. His ample robes concealed the only fault in his appearance, a figure which indulgence had rendered somewhat too exuberant. His eyes were large, and soft, and dark; his nose aquiline, but delicately moulded; his mouth small, and beautifully proportioned; his lip full and red; his teeth regular and dazzling white. His ebony beard flowed, but not at too great a length, in graceful and natural curls, and was richly perfumed; a delicate mustachio shaded his upper lip, but no whisker was permitted to screen the form and shroud the lustre of his oval countenance and brilliant complexion» [10]. Этому герою суждено сыграть роль проводника Алроя на престол, и ему же уготована роль виновника финальных поражений Алроя. Подобное описание можно сравнить с техникой подачи

образов, данной В. Скоттом в романах о крестовых походах «Обрученные» и «Талисман» (*The Betrothed*, *Talisman*, 1825), также касающихся ориентальной тематики.

В романе много диалогов, но еще больше элементов монологической речи: мысленных обращений, несобственно прямой речи и озвученных автором медитаций героев. Алрой вдохновенно воспринимает все окружающее, его рассуждения о судьбе Азии, во главе которой он уже видит себя, напоминают и шекспировский монолог, и байронического героя с явными признаками наполеонизма: «*The world is mine: and shall I yield the prize, the universal and heroic prize, to realise the dull tradition of some dreaming priest, and consecrate a legend?*» [11]. В речи как второстепенных, так и главных персонажей часто употребляются религиозные восклицания, помогающие определить принадлежность разговаривающих к противоборствующим лагерям.

Современные критики также указывают на двойственный характер опозитивированной прозы романа, в котором, по мнению Дж. Винсана, сочетаются слабая имитация стиля Вальтера Скотта и бледное подобие поэзии Байрона (или, как это звучит у Дж. Винсана, «Вальтера Скотта и Байрона для бедных») при очевидной ориентации жанра на исторический «ромэнс»: «*Alroy is poor man's Sir Walter Scott, with a touch of poor man's Byron. It is a historical novel, in full period costume*» [12. P. 68].

Если критики прошлого находили в «Алрое» сходство с «Ромео и Джульеттой», то в наше время критикам «принц-пленник» напоминает Гамлета, уязвленного слабостью своих соплеменников и собственной неспособностью противостоять численно превосходящим его силы противникам: «*Alroy, descendant of the house of David, the messianic line, and heir to the title of 'Prince of the Captivity', is a Hebrew Hamlet, galled at the weakness of the Jews and his own inability to take action against the humiliation of diaspora existence*» [13. P. 72]. Роман был опубликован в год первых серьезных дебатов, разделивших протестантское большинство в британском парламенте на тех, кто выступал за предоставление религиозных свобод евреям, и против этого.

Очевидно, что Дизраэли создавал своего Алроя не только, чтобы вдохновить его на поэтические строки и романтические поступки, но сквозь мистическую ностальгию заставить его и своих современников ощутить силу национального духа избранного Богом народа. То Алрой, то его наставник Джабастер в состоянии транса переживают видения из великого прошлого и многообещающего будущего: «*Universal empire must not be founded on sectarian prejudices and exclusive rights... We must conciliate. Something must be done to bind the conquered to our conquering fortunes*» [14]. Видения становятся той силой, которая соединяет идеи иудаизма и христианства в универсальной религии, и все это способствует не только военным успехам Алроя, но и политическим — Дизраэли. Мистические картины романа отдельные критики связывают с традицией жанра видений в английской литературе, от Мильтона до романтиков — Вордсворта, Шелли, Байрона: «*Disraeli tries to extend into prose the fusion of politics and philosophy — as well as the range and*

imaginative energy — of the Miltonic epic and Romantic masterworks such as Blake's prophecies, «The Prelude», «Prometheus Unbound» and «Don Juan». While Disraeli's works at times seem bathetic when viewed in the context of this tradition, there can be no doubt that he saw himself in the line of Romantic visionaries...» [15. P. 49], хотя его «визионерство» носит сильно упрощенный характер.

По замечанию исследовательницы Н. Вальман, Дизраэли через объединяющего нацию Алроя столь метафорически пытается увидеть политическое будущее Англии, в которой будут преодолены расовые, социальные и религиозные предрассудки во имя единого политического идеала: «Alroy is seeking to redefine the Jews as a nation in precisely the terms that Disraeli employs to discuss the future of England in the political trilogy of the 1840s, where he suggests that racial, social and religious divisions can be transcended in the name of a perceived common political ideal» [13. P. 74]. Другой критик, Д. Шварц, предполагает, что Дизраэли вдохновился темой романа во время своего путешествия 1830 г., когда он посетил Гибралтар, Мальту, Корфу, Константинополь, Каир, Александрию и Иерусалим, и считает, что идея написать роман об Алрое, возвысившемся принце крови, отразила автобиографический факт, желание самого Дизраэли сделать карьеру политика или писателя: «Undoubtedly the tale of a Jew becoming the most powerful man in an alien land appealed to Disraeli, who at the age of 29 had still to make his political mark or artistic reputation» [15. P. 46].

Говоря о жанровой принадлежности «Алроя», необходимо помнить о том, что жанр романа в эпоху романтизма был подвижным и ориентировался то на традицию Просвещения, то на достижения раннего романтизма. Романтики часто экспериментировали, редко повторялись, и жанр исторического романа Дизраэли, формально следуя жанру исторического романа разновидности «ромэнс», созданному В. Скоттом, также носил характер поиска. М.М. Бахтин подчеркивал: «Роман — не просто жанр среди жанров. Это единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров. Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории и поэтому глубоко сродный ей, в то время как другие большие жанры получены ею по наследству в готовом виде и только приспособляются — одни лучше, другие хуже — к новым условиям существования. По сравнению с ними роман представляется существом иной породы. Он плохо уживается с другими жанрами. Он борется за свое господство в литературе, и там, где он побеждает, другие, старые, жанры разлагаются» [16]. В этой связи становятся понятны попытки проследить истоки романа Дизраэли «Алрой» в лучших образцах литературы предшествующих эпох и понять стремления романтиков создавать новые жанры.

В начале 1930-х гг. Б. Дизраэли обращается к исторической теме и пишет два романа «Алрой» (Alroy, 1833) и «Восхождение Искандера» (The Rise Iskander, 1833), в это же время Э. Булвер-Литтон публикует «Последние дни Помпей» (The Last Days of Pompei, 1834, рус. пер. 1842), «Риенци, последний из римских трибунов» (Rienzi; The Last of the Roman Tribunes, 1835). Все эти произведения, созданные уже после ухода В. Скотта с литературной сцены, освещают разные

исторические этапы, их авторы, как и многие романтики, выбирают в качестве основных тем античность. Средневековый ориентализм романа «Алрой» характерен для творчества Дизраэли и интересует его как с исторической, так и с современной для него политической точки зрения. Один из поздних исследователей Дизраэли отмечает его «желание героизировать еврейский народ» и показать его «одухотворяющую роль» для европейской цивилизации: «Moreover, he believed that the Jews are not only an especially gifted race but the most aristocratic of races. He also believed that the Jewish race is the source of all that is spiritual in European civilisation, most notably Christianity. Disraeli's only historical romance, except for 'The Rise of Iskander' (1833), resulted from his desire to depict Jews on a heroic scale» [17].

У Дизраэли политическая составляющая в романах превалирует. Стараясь отойти от политических дебатов, столь очевидных в пору его пребывания на посту премьер-министра, он особенно сосредоточился на религиозно эпических проблемах. Тема избранного Богом народа проходит через весь XIX в., находя блестящее воплощение в романах Дж. Элиот («Даниэль Дерίδα») и Д. Мередита.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Reviews. The New Monthly Magazine and Literary Journal 37 (March 1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [2] Reviews. Monthly Review, part 1 (1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [3] Reviews. The London Literary Gazette: Journal of Belles Lettres, Arts, Sciences, &c. No. 842 (9 March 1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [4] Reviews. The Examiner no. 1319 (Sunday, May 12, 1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [5] Reviews. The Athenæum: Journal of English and Foreign Literature, Science, and the Fine Arts. No. 280 (9 March 1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [6] Reviews. The Court Journal 5 (1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [7] Reviews. American Monthly Review (October, 1833). — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/contexts/reviews.html>
- [8] *Disraeli B.* Alroy. Dedication. — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/novel/p1preface.html>
- [9] *Disraeli B.* Alroy / Preface. — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/novel/p1preface.html>
- [10] *Disraeli B.* Alroy. — L., 1833. — Part V. — Ch. 2. — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/novel/p5c2.html>
- [11] *Disraeli B.* Alroy. — L., 1833. — Part VIII. — Ch. 1. — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/novel/p8c1.html>
- [12] *Vincent J. Disraeli.* — New York: Oxford University Press, 1990. — P. 68.
- [13] *Valman N.* “Manly Jews: Disraeli, Jewishness and Gender.” *Disraeli's Jewishness*. Eds. Todd M. Endelman and Tony Kushner. — London and Portland, Or.: Vallentine Mitchell, 2002.
- [14] *Disraeli B.* Alroy. — L., 1833. — Part VIII. — Ch. 1. — URL: <http://www.rc.umd.edu/editions/alroy/novel/p8c1.html>
- [15] *Schwarz D.R.* “‘Mene, Mene, Tekel, Upharsin’: Jewish Perspectives in Disraeli's Fiction.” *Disraeli's Jewishness*. Eds. Todd M. Endelman and Tony Kushner. — London and Portland, Or.: Vallentine Mitchell, 2002. — P. 49.

- [16] *Бахтин М.М.* Эпос и роман. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М., 1975. — С. 447—483. [*Bahtin M.M.* Epos i roman. Voprosi literature i estetiki. Issledovaniya raznih let. — М., 1975. — S. 447—483.]
- [17] *Schwarz D.R.* Disraeli's Fiction. — New York: Macmillan, 1979. — P. 42—51.

HISTORICAL NOVEL VS ROMANCE FORMATION IN B.D'ISRAELI'S CREATIVE SEARCH

O.G. Anossova

Theory and practice of foreign languages chair IFL
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 9, Moscow, Russia, 117198

The key-features of the English Romanticism historical genre fusion of novel and romance created by B.D'Israeli (1804—1881) are considered in the article. Techniques of the historical novel and romance are investigated and illustrated with D'Israeli's novel "Alroy". Reviews taken from periodicals of the epoch and from the contemporary ones create social and cultural background of the novel writing process.

Key words: romanticism, prose, Romantic literature, genre, historical novel, romance, periodicals.